

бы уделить внимание. Тем более, что обстановка на Дальнем Востоке быстро менялась не в пользу России, и к этому времени стало известно, что ставка на нейтрализацию Кореи уже невозможна: помимо англо-японского соглашения США фактически заявили, что «Япония должна завладеть Кореей, дабы составить противовес русскому распространению в Маньчжурии»³⁰⁰.

Как ни удивительно, но некоторые политические дивиденды от неудачного визита Х. Ито в Россию сумел приобрести С.Ю. Витте. В глазах японцев он получил репутацию сторонника соглашения с Токио ценой отказа от Кореи. Поэтому в сентябре 1902 г., когда японцы узнали о поездке министра финансов на Дальний Восток, его сразу пригласили посетить Страну восходящего солнца от имени императора (трудно представить более высокий уровень визита), сообщив «о сильном желании Его величества видеть нашего министра финансов в Токио» обещая «самый нежный приём», и что приезд его «был бы чрезвычайно своевременен и выгоден для русско-японских отношений»³⁰¹. Аналогичное приглашение С.Ю. Витте получил и от премьера Ю. Кацура³⁰². Однако российский сановник уклонился от поездки: в случае появления на японской земле ему пришлось бы вновь говорить об уступках в Корее, которые он обсуждал в Петербурге с Х. Ито, но реализовать свои намерения С.Ю. Витте не мог – никто не дал бы ему полномочий уступить королевство. Это явилось красноречивым признанием бессилия министра финансов в дальневосточных делах, там, где ещё несколько лет назад он был полновластным хозяином и мог настоять на любом решении.

5.10. Корейский вопрос перед русско-японской войной 1904–1905 гг.

Возможность отказа от Кореи и далее не рассматривалась российским руководством в качестве возможного шага. Когда летом–осенью 1902 г. среди дипломатов состоялась дискуссия о дальнейших действиях Петербурга относительно королевства, то, пожалуй, наиболее умеренную и близкую С.Ю. Витте позицию занял А.П. Извольский. Он призывал по-прежнему

³⁰⁰ Эту строка из частного письма Т. Рузвельта, с которым удалось ознакомиться А.П. Кассини (А.П. Кассини – в МИД 16 января 1902 г. (копия) // Там же. Л.120). Конечно, в Петербурге могли с недоверием воспринимать подобную информацию. Американский посланник в Токио Бэк говорил А.П. Извольскому об озабоченности Вашингтона действиями России в Маньчжурии, но к тому моменту американское руководство уже успокоилось (А.П. Извольский – в МИД 19 мая 1902 г. // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.153–157).

³⁰¹ А.П. Извольский – К.А. Алексею 22 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.243. Л.3. Приглашение было передано подполковнику М.А. Адабашу принцем А. Комацу и подтверждено графом М. Мацуката.

³⁰² А.П. Извольский – К.А. Алексею 22 сентября 1902 г. (вторая телеграмма) // Там же. Л.4.

стремиться к нейтрализации Кореи с помощью соглашения между Россией, Японией и США (явно нереальный план)³⁰³. А.П. Извольский рассматривал корейскую независимость как фикцию, но полагал соглашение с Японией в тот момент о корейских делах маловероятным: его наверняка пришлось бы согласовывать с Лондоном, где русские условия вряд ли признали бы приемлемыми.

В других записках о Корее – А.И. Павлова и Р.Р. Розена³⁰⁴ – нашла отражение более жёсткая позиция. Барон, например, полагал, что в будущем и Корея, и Маньчжурия должны были бы отойти к России³⁰⁵. То есть, любые уступки Японии могли носить лишь временный и, следовательно, тактический характер, поэтому им не следовало казаться слишком значительными. Р.Р. Розен также категорично увязывал корейский и маньчжурский вопросы. На первый план он выдвигал Маньчжурию, считая, что России следует сначала окончательно завладеть ею, а затем ставить вопрос о Корее. Это была бы политика постоянных аннексий, то, от чего российское руководство с 1900 г. неоднократно и публично отказывалось. Кроме того, дипломат фактически вернулся к вопросу, поставленному ещё на Особом совещании в марте 1895 г. Но он не повторил ни ответ А.Б. Лобанова-Ростовского (союз с Японией за счёт Китая), ни ответ С.Ю. Витте (союз с Китаем за счёт Японии), а предложил третий путь – поочерёдной конфронтации с двумя крупнейшими соседями России на Дальнем Востоке. Непонятно, как Р.Р. Розен собирался осуществлять свою программу.

В отличие от большинства дипломатов (исключая Р.Р. Розена), С.Ю. Витте подходил к вопросу о Корее в тесной связи с проблемой Маньчжурии и подтверждал свой взгляд, сформулированный им ещё в 1901 г.: «Япония давно ищет сближения с нами», поэтому ей следует уступить в Корее и договориться по Маньчжурии³⁰⁶. Министр финансов полагал, что русско-японское соглашение установит на время status quo, что даст Петербургу выигрыш во времени. Однако, кажется, взгляд С.Ю. Витте также выражал излишний оптимизм.

В 1902 г. позиции Японии в Корее были уже очевидно сильнее русских: японские гарнизоны стояли в трёх стратегически важных городах (Сеул, Фузан, Гензан), подданные Токио контролировали две железные дороги

³⁰³ Записка А.П. Извольского 20 июля 1902 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2303. Л.64–71.

³⁰⁴ Р.Р. Розен прибыл в Токио 30 марта 1903 г. и сменил А.П. Извольского в должности посланника.

³⁰⁵ Записка Р.Р. Розена о политике России на Дальнем Востоке от 12 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.55–74.

³⁰⁶ Помета С.Ю. Витте на записке Р.Р. Розена о политике России на Дальнем Востоке 12 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.56.

(Сеул–Чемульпо, Сеул–Фузан), имели три угольных склада (Чемульпо, Гензан, Фузан), земельную собственность в 11 пунктах³⁰⁷. За Петербургом с 1901 г. остались лишь китовый промысел (три небольшие станции на побережье), лесная концессия на р. Ялу, угольные месторождения в провинциях Кионгхын и Хамкиондо, а также каботажное судоходство³⁰⁸. Россия проявляла интерес лишь к некоторым железнодорожным концессиям, в частности Сеул–Инчжоу, за которые боролся барон Г.Г. Гинцбург³⁰⁹. Но из-за противодействия японцев корейцы объявили, что не будут продавать эту концессию иностранцам. В ответ Г.Г. Гинцбург добился, чтобы его зачислили на корейскую службу в качестве строителя железной дороги Сеул–Инчжоу. Его усилия поддерживал безобразец И.П. Балашёв, бомбардировавший своих единомышленников в Петербурге требованиями помочь барону и пугавший, что в случае отказа концессию приобретут японцы с бельгийцами³¹⁰. Посланник в Корею А.И. Павлов видел в борьбе за эту концессию противодействие планам сооружения японской дороги до границы с Маньчжурией. Против выступали С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф³¹¹. У них имелось для этого немало оснований, начиная с политических, кончая чисто деловыми: предложение о приобретении концессии, исходившее от французов, походило на откровенное желание нажиться за счёт русской казны, облегчив её на 12,5 млн. франков (стоимость самой концессии) плюс 50 тыс. комиссионных, тогда как длина этой железной дороги составляла всего 80 вёрст, а рассказы о том, что бельгийцы намерены вложить в эту дорогу 70 млн. франков под гарантии японского правительства больше походили на стремление подстегнуть покупателя³¹².

Впрочем, японцы вели себя довольно спокойно. Они не отреагировали даже на официальное уведомление, сделанное в конце 1902 г. А.П. Извольским, что Россия всё-таки намерена организовать угольную станцию в Масанпо³¹³. Да, собственно, и ответить российскому дипломату было нечего: Петербург ведь

³⁰⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.299.

³⁰⁸ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.685–687.

³⁰⁹ Не считая деятельности безобразцев на Ялу – подробнее об этом в главе 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

³¹⁰ И.П. Балашёв – А.М. Абазе 9 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.28 об.; И.П. Балашёв – А.М. Безобразову 3 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.69 об. – 70.

³¹¹ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 14 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.42–43.

³¹² А.И. Павлов – Е.И. Алексееву 6, 15 и 17 июля 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп.1. Д.167. Л.20–27.

³¹³ Телеграмма А.П. Извольского Е.И. Алексееву 14 ноября 1902 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.148. Л.2.

не нарушал никаких соглашений относительно королевства. То есть, японцы не имели легальных оснований, чтобы препятствовать этому.

В конце 1902 г. Россия вдруг вернулась к активным действиям в королевстве, чего она избегала с 1898 г. (по времени это совпало с отстранением С.Ю. Витте от решающего влияния на дальневосточную политику России)³¹⁴. В октябре 1902 г. в Корею вернулся К.И. Вебер – активный и последовательный сторонник укрепления русского влияния на полуострове. Формально он возглавлял русскую миссию, направленную поздравить короля с сорокалетием его пребывания на троне и вручить ему по этому случаю орден Андрея Первозванного (несомненная демонстрация поддержки). Однако поездка К.И. Вебера затянулась: дипломат находился в Сеуле до мая 1903 г. Это не могло не обнадёжить коджона, тем более, что у него сложились плохие отношения с А.Н. Шпейером, временно замещавшим А.И. Павлова³¹⁵. По результатам своей миссии К.И. Вебер составил записку, где заявил: «нам следует отказаться от пассивной, выжидательной политики последних лет, всячески стараясь устранить возможность подчинения Кореи японскому владычеству». По его мнению, России стоило потребовать вывода японских войск, создать банк (опять!) в Чемульпо и Сеуле и организовать пароходное сообщение между корейскими портами³¹⁶. Конечно, эти меры учитывали обстановку в Корее и были рассчитаны на то, что возразить против них не удастся. Понятно, что других оценок и предложений от К.И. Вебера ждать не приходилось, но важно, что к его услугам обратились именно в конце 1902 г.

В конце 1902 – начале 1903 гг. серьёзно выросла напряжённость из-за ситуации на устье р. Ялу. Главную роль в этом сыграли безобразовцы, укреплявшие там свои позиции. Безобразовцы, помимо своей концессии, обеспокоились приобретением участков в устье р. Ялу. Японцы в ответ требовали от корейцев открытия устья для иностранцев. Е.И. Алексеев, в данном вопросе поддерживавший безобразовцев, угрожал отправкой туда русского военного отряда. Он также протестовал против попыток корейцев уничтожить телеграф, проведённый концессионерами без разрешения Сеула³¹⁷. Трудно ска-

³¹⁴ Пожалуй, одним из немногих действий, свидетельствовавших о том, что Корея окончательно не забыта, стало присвоение А.И. Павлову ранга чрезвычайного посланника в Корею, что повышало его дипломатический статус (Пак Б.Д. Дипломатическая деятельность Ли Бомчжина (Ли Пом Чина) в России // Корея и Россия: традиции и современность. М., 2002. С.25).

³¹⁵ К.И. Вебер – Е.И. Алексееву 11 октября 1902 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.153. Л.1–2.

³¹⁶ Вебер К.И. Записка о Корею до 1898-го года и после // Российское корееведение. Альманах. Выпуск второй. М., 2001. С.145.

³¹⁷ Е.И. Алексеев – А.И. Павлову 8 июня и 24 июля 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.182. Л.1, 3.

зять, насколько далеко зашёл бы в реальных действиях наместник, но лодку «Гиляк» на устье р. Ялу он всё-таки послал. Однако даже воинственные заявления вкупе лишь с некоторыми действиями создавали сильную напряжённость на севере Кореи, очень не желательную в тех условиях. Сами корейцы не особенно противодействовали японцам, надеясь, по-видимому, делать это руками русских. Коджон по-прежнему искал в России опору для политики баланса. Так, он до конца 1903 г. неоднократно просил, в случае необходимости, предоставить ему возможность укрыться в российской миссии³¹⁸.

На рубеже XIX–XX вв. было очевидно, что Корея, как и ряд похожих на неё полузависимых государств (Абиссиния, Персия, Турция, Китай) для сохранения своего статуса балансировали на противоречиях великих держав, пока это представлялось возможным. Корея была настолько слаба, что по убеждению многих, она держалась лишь на неразрешимости вопроса о разделе королевства. В конце концов она пала жертвой японской экспансии при поддержке Англии, чему Россия не смогла противостоять.

У России всегда имелось в Корею лишь два самостоятельных интереса – это приобретение в южной или западной части её побережья незамерзающего порта и опасение того, что королевство, находящееся рядом с российскими слабозащищёнными рубежами, может стать плацдармом для агрессии против российского Дальнего Востока. Тем не менее, во многих документах, касающихся русской политики в регионе, с конца XIX века можно встретить как рефрен представление о «русском» будущем Кореи. Например, посланник в Японии М.А. Хитрово полагал, что «Корея от нас не уйдёт, и рано или поздно, тем или иным путём она сделается нашим достоянием»³¹⁹. Схожих фраз в различных документах (переписке, записках и т.п.) российских официальных лиц можно встретить немало. В зарубежной историографии они часто используются как аргумент для доказательства постоянной агрессивности России. Тем самым политика Петербурга приравнивается к действиям других держав, например, Японии. В отечественной историографии как раньше, так и сейчас агрессивность устремлений России отрицается, а колониальной политике Петербурга приписываются необычные черты, якобы принципиально отличавшие империю от других великих держав. На самом деле российский колониализм несомненно выделялся лишь слабостью возможностей, что, однако, накладывало существеннейший отпечаток на действия Петербурга на Корейском полуострове. Несмотря на немалое количество грозных заявлений и всевозможных мечтаний, реально для полного обладания королевством

³¹⁸ Пак Б.Д. Дипломатическая деятельность Ли Бомджина... С.26.

³¹⁹ М.А. Хитрово – А.Б. Лобанову-Ростовскому, б/д. [после 21 февраля 1896 г.] (черновик) // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №242. Л.1–3 об.

Россия не сделала почти ничего, ограничившись топографической съёмкой местности и приобретением некоторых концессий. Такой «бумажный» империализм действительно отличает политику Петербурга, не позволяя приравнять её к действиям той же Японии либо Англии. Никаких сколько-нибудь разработанных планов завоевания Кореи в России не существовало – это факт и серьёзный аргумент, неважно, какими причинами он вызывался.

Российская политика по отношению к Корее также характеризовалась непостоянством как никакая другая в регионе. В Петербурге сначала смотрели на королевство как на главную причину осложнений в регионе, желая сохранить status quo. Позднее, в 1896–1898 гг., российское руководство пережило кратковременный период интереса к Корее в связи с поиском незамерзающего порта, пока не удалось заключить договор с Пекином об аренде Порт-Артура. После этого Корея перестала быть самостоятельной целью, превратившись в предмет торга между Петербургом и Токио. Казалось бы, интерес к ней должен был угаснуть, но произошло иное. В российском руководстве началась борьба группировок за выбор дальнейшей политики в королевстве. И в 1903 г. эта схватка не привела к окончательному результату: серьёзные разногласия сохранялись. Желанию уйти из Кореи, уступив её Японии, противостоял соблазн установить там полуколониальный режим (безобразовцы), а также стремление военных создать на северной границе полуострова заслон для защиты российской границы. Петербург совсем не оставил королевство, в этом смысле показательна активность, проявлявшаяся в 1903 г. в закреплении за некоторыми российскими предпринимателями, тесно аффилированными с властью, ряда крупных концессий. Переговоры с Японией, призванные определить судьбу страны, завершились неудачей в силу ряда факторов: это и агрессивная позиция Токио, неумелое их ведение Петербургом, наконец, серьёзное негативное влияние безобразовцев.

В случае с Кореей как нигде в дальневосточной политике проступили так называемые «вневедомственные влияния». А если вспомнить и весьма значительную, беспрецедентную самостоятельность в действиях российских представителей в королевстве, то следует признать, что действия там, совершавшиеся от имени России, очень часто носили противоречивый, несогласованный характер и далеко не всегда отвечали представлениям Петербурга. Корейская политика – весьма сложное направление в дальневосточной политике России и одно из самых неудачных. Имея колоссальные возможности, Россия так и не приобрела практически ничего в королевстве, ни преобладающего влияния, ни незамерзающего порта. Зато именно Корея стала главной причиной русско-японской войны 1904–1905 гг.